

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР РОССИИ И ШВЕЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

**С.А. Гриценко[@],
Н.И. Чернова,
Н.В. Катахова**

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва 119454, Россия

[@]Автор для переписки, e-mail: gricenko@mirea.ru

Статья посвящена важной в современном междисциплинарном поле проблематике диалога культур. Ввиду исконной «литературоцентричности» русской культуры авторами работы поставлена задача исследования роли и значения русско-шведских литературных контактов последних столетий в культурном сотрудничестве двух стран, оказывающих прямое влияние на формирование мировоззрения современных российских студентов. Поставленная задача обусловила использование в исследовании аналитических методов исторических и филологических наук. В рамках статьи в сжатом виде описана длительная история литературных контактов России и Швеции, начиная с последних десятилетий XVIII века и вплоть до рубежа XX–XXI веков. События литературного мира поставлены в контекст политической истории соперничества и сотрудничества в Балто-Скандинавском регионе. Авторы выделили периоды наиболее насыщенных связей двух культур: 1830–1840-е гг., «скандинавомания» 1880–1890-х гг., ряд десятилетий в советской истории. Доказано, что русская литература (особенно периода «Золотого века») неизменно становилась одним из путей познания шведами России и русского национального характера в его лучших и наиболее характерных проявлениях. В свою очередь, и в России открывали для себя Швецию через творения ее выдающихся литераторов (Ф. Бремер, А. Стриндберга, С. Лагерлёф и др.). Авторы полагают, что установленные русско-шведские литературные связи помогут и в будущем делу налаживания мирных, добрососедских отношений двух пограничных государств путем формирования у студенческой молодежи терпимого, уважительного отношения к культуре соседних стран и народов.

Ключевые слова: диалог культур, формирование мировоззрения, русско-шведские литературные связи, история русской литературы, история России, история Швеции.

DIALOGUE OF CULTURES OF RUSSIA AND SWEDEN IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE WORLD OUTLOOK OF STUDENTS

C.A. Gritsenko[@],
N.I. Chernova,
N.V. Katakova

MIREA – Russian Technological University, Moscow 119454, Russia

@Corresponding author e-mail: gricenko@mirea.ru

The article deals with dialogue of cultures, the most topical issue in the modern interdisciplinary field. Due to the native "literary centrality" of the Russian culture, the authors have studied the role and significance of Russian-Swedish literary contacts in the cultural cooperation of the two countries, which directly influences the formation of the scientific world outlook of contemporary Russian students during the last centuries. While studying the issue the researchers used the analytical methods of historical and philological sciences. They give a brief description of a long history of literary contacts between Sweden and Russia within the period from the last decades of the eighteenth century to the turn of the 20th and 21st centuries. They analyze the literary world events with due regard for the political context of rivalry and cooperation in the Baltic-Scandinavian region. According to the authors the most active time of the two countries' cultural ties dates back to the period of 1830s – 1840s, including the so-called "Scandinavomania" (1880s – 1890s), and some decades in the Soviet State history. Within their study, the researchers have established that the Russian literature (especially its "Golden Age" time) invariably was one of the ways for Swedes to get knowledge about Russia and the Russian national character in its best and most characteristic manifestations. In its turn, Russians also discovered Sweden for themselves reading works of its outstanding writers (F. Bremer, A. Strindberg, S. Lagerlöf, etc.). The authors believe that the established Russian-Swedish literary contacts will guarantee peaceful and good-neighbor relations of these border states in the future by forming students' tolerant and respectful attitude to the culture of neighboring countries and peoples.

Keywords: dialogue of cultures, formation of the world outlook, Russian-Swedish literary contacts, history of Russian literature, history of Russia, history of Sweden.

Великий русский поэт Ф.И. Тютчев в своих знаменитых строках призывал не пытаться «умом понять» Россию, «...Аршином общим не измерить», вероятно, вследствие ее уникальности, непохожести на другие страны Запада и Востока. Тем не менее, нельзя утверждать, что русская культура и русское искусство развивались обособленно от общемировых тенденций. По этой причине в современной отечественной гуманитарной науке достаточно остро стоит вопрос о взаимодействии, диалоге культур евразийского пространства, его истоках, путях и результатах влияния на наших предков и их ценностные ориентации. В той же мере важным является формирование общей гуманитарной культуры как органической части мировоззрения российской студенческой молодежи, за которой – научное, экономическое и политическое будущее страны.

Следует выделить такую черту российского менталитета Нового и Новейшего времени, как его «литературоцентричность» [1, с. 53-54]. Действительно, именно художественное Слово было и остается одной из главных общественных ценностей, проводником в мир красоты и высокой морали. По этой причине на первый план в круге описанных вопросов не только филологи, но и культурологи, и историки в последние десятилетия выдвигают проблему литературных связей и контактов России с ее ближними и дальними «соседями». При этом поистине бескрайней оказывается история научного изучения связей нашей страны с литературным (и культурным) «центром» Европы – Англией, Францией, германскими государствами. Напротив, периферийными оказываются сюжеты, связанные с взаимоотношениями русской культуры с пограничными, но не такими блестящими национальными культурами. Практически без внимания остаются данные темы применительно к связям России со Швецией – некогда великой державой, с которой нас связывают многовековые политические, экономические и культурные контакты.

Ввиду всего выше сказанного в рамках данной статьи реализуется следующая исследовательская задача: выявить значение литературных связей России и Швеции в истории культур, а также в логике формирования общекультурного мироощущения современного российского студенчества. Поскольку тематика работы предполагает ее существование в междисциплинарном научном поле, то исследовательские методы для решения поставленной задачи сочетают в себе инструментарий и филологических, и исторических наук. Необходимо отметить также очерковый характер данного краткого исследования.

Началом полноценных культурных и, в частности, литературных контактов Российской империи и королевства Швеция считают обычно вторую половину XVIII века [2, 3]. Современный исследователь М.Ю. Люстров, однако, выражает несогласие с данной позицией и своими трудами, посвященными литературным контактам петровской эпохи и даже второй половины XVII в., опровергает ее [4]. Как бы то ни было, культурные контакты двух стран вплоть до «века Екатерины» носили эпизодический и весьма специфический характер. По этой причине данное исследование охватывает период начиная с последних десятилетий XVIII века, когда, во-первых, уже вполне определилась геополитическая позиция стран: Швеция в результате Полтавской битвы 1709 г., Ништадтского мира 1721 г. и Абоского мира 1743 г. утратила свое Великодержавие (*Stormakt*), и ее место на Балтике заняла Россия, полноценно заявившая о себе в Европе как великая держава в эпоху Семилетней войны. Во-вторых, национальные литературы двух стран в ту эпоху претерпевали сходные процессы: бурное развитие русской журналистики и художественной литературы в России времен Екатерины II и «Густавианское возрождение» в Швеции, соответственно. Неудивительно поэтому, что к концу столетия явно наметилось сближение художественных вкусов правящих верхушек России и Швеции, и влияние одних и тех же идейных импульсов из Европы (Просвещение, масонство). Общими оказались художественные течения (классицизм, затем преромантические веяния) и языки аристократической культуры – немецкий и французский [3, с. 290]. По той же причине, например, и большинство первых переводов повестей Н.М. Карамзина в Швеции выполнены с этих двух языков [5].

Что касается шведского реваншизма в Балто-Скандинавском регионе, то на рубеже XVIII–XIX вв. он не казался российским образованным и правящим кругам преодолен-

ным. Так, в знаменитых строках «Медного всадника» А.С. Пушкин из Петербурга устами Петра предлагал: «Отсель грозить мы будем шведу!». В памяти же простого народа, напротив, шведы остались как еще одни незадачливые завоеватели Русской земли, и отношение к ним в фольклоре было соответствующее: бытовали ироничные фразы вроде «Пропал, как швед под Полтавой», «Эх ты, швед, не рублена головушка!» [3, с. 291]. А если вспомнить знаменитый эпизод беседы генерала Левашова с Наполеоном, когда русский генерал насмешливо предложил императору французов идти к Москве через Полтаву [6], то станет понятно, что снисходительно-ироническое отношение к реваншистским устремлениям шведов и других завоевателей имело место и в высших кругах русского общества.

Тем не менее с конца XVIII – начала XIX века появляется «взаимный литературно-художественный интерес», хотя и довольно слабый [3, с. 291]. Однако интерес русских литераторов к Швеции как стране европейского Севера [7, с. 111] был, надо полагать, ввиду «оссианизма» несколько большим, чем интерес шведов к огромной, экзотичной, но безнадежно «варварской» России. Несмотря на свою кажущуюся реакционность и отсталость, Россия манила к себе амбициозных шведов: так, из шведского рода вышел А.Ф. Вельтман [8], «забытый» писатель, своеобразный предтеча Гоголя и Лескова, сам затрагивавший в своих произведениях скандинавскую тематику [9, с. 161-162]. В самой Швеции первых десятилетий XIX века, как, впрочем, и в «эру свобод» (1721–1772), и в последующие эпохи в общественных и литературных кругах присутствовали и выраженные русофилы, и ярые русофобы.

Среди первых стоит выделить поэта Эрика Юхана Стагнелиуса (Erik Johan Stagnelius), автора поэмы «Владимир Великий» (*Wladimir den store*, 1817) о крестителе Руси [10]. В этой поэме князь Владимир Святославич изображен как подлинно романтический герой, который побеждает в борьбе за любовь. Шведский автор откровенно идеализировал в поэме русское Средневековье [11, с. 616].

Лагерь же русофобов был более обширен и разнообразен. Он включал в себя шведских консерваторов-реваншистов и принципиальных противников самодержавия – либералов.

Мечтал о восстановлении шведского Великодержавия и консервативно настроенный национальный поэт Швеции, «шведский Пушкин» Эсайас Тегнер (Esaïas Tegner), вполне закономерно бывший при этом и поклонником Карла XII, и его эпохи в целом [3, с. 292]. Примечательно, что этот поклонник Карла XII и Наполеона в своем романе «Аксель» (*Axel*, 1822) показывает, как погибает сподвижник первого, не в силах выбрать между долгом и любовью к русской девушке [11, с. 618]. Любопытно, что «романтический» персонаж того же масштаба при этом синхронно появляется и в русской литературе – это Войнаровский, сторонник Мазепы и герой одноименной поэмы К.Ф. Рылеева, реальный прототип которого воевал с тегнеровским Акселем во время Северной войны 1700–1721 гг.

Несмотря на некоторые антирусские тенденции, в самой Швеции первых десятилетий XIX в. произведения русских авторов переводятся, поскольку данная эпоха – период отступления позднего Просвещения и классицизма (с сентименталистскими тенденциями) под напором европейского романтизма. Потому и русские романтики оказались востребованы по другую сторону Балтики [11, с. 616-617]. В первую очередь, по этой причине оказались востребованы «кавказские» поэмы Пушкина и Лермонтова,

а в 1841 г. Ю. Ленстрём защитил первую в Европе и в мире диссертацию, посвященную творчеству Пушкина [12]. Данная работа, хоть и не лишенная ряда существенных недостатков, все же сумела обратить на себя внимание шведской общественности. Впрочем, большого интереса к Пушкину она не вызвала. В целом, в шведском ограниченном интересе к русской литературе в ту эпоху и позднее сквозила некоторая снисходительность, «национальное самодовольство»: хотя они и не ставили себя выше других наций открыто, однако неизменно сочувствовали всем, кому не посчастливилось родиться шведом [13, с. 208]. По всей видимости, это лишь еще один отголосок утраченного в XVIII столетии Великодержавия.

Русские той эпохи, напротив, в целом отзывались о Швеции и шведах весьма положительно [14, с. 24-26]. Вероятно, именно тогда, в начале XIX столетия, начинает складываться в целом симпатичный образ шведов как нации надежных, молчаливых, деловых людей [13, с. 206]. С симпатией в России относятся и к появляющимся переводам шведских авторов: русская публика открывает для себя уже в 1820-е гг. Тегнера, Гейера, а позднее и шведоязычных финнов Топелиуса и Рунеберга [3, с. 292-293]. В судьбоносном для шведско-русских литературных контактов 1841 году, кроме защиты диссертации Ленстрёма и перевода «Капитанской дочки» О.А. Мёрманом (Meurman) [15, с. 61], происходит открытие первой в «шведском мире» кафедры русской словесности в университете Гельсингфорса (Хельсинки). Ее возглавил Яков Грот – обрусевший балтийский немец, проживавший до этого в Санкт-Петербурге, а в Финляндии в следующие годы немало сделавший для популяризации русской литературы, русского языка и культуры России в целом [16]. Примеру Грота последовал ряд других крупных отечественных ученых, приезжавших работать в Швецию и Финляндию. Так, в самой Швеции периодически работали сам Я. Грот и преподаватели из Гельсингфорса, в архивах Стокгольма проводил исследования в области внешнеполитической истории Балтийского региона в XVII веке русский историк Георг Форстен, там же работал некоторое время этнограф М. Ковалевский [3, с. 296]. Несколько позднее в российских архивах, в свою очередь, трудился крупный шведский историк-русист Харальд Йерне (Harald Hjärne) [3, с. 297]. Исследования российской истории привели шведского специалиста к выводу о том, что Россия не является частью западного, европейского сообщества. Напротив, страна азиатского деспотизма способна разрушить европейский мир, и задача Швеции как пограничной с ней державы – сдерживать русский натиск на Запад. Фактически из историка либеральных убеждений Х. Йерне с начала XX века стал убежденным консервативным, «другом» шведской обороны и одним из творцов мифа о «русской угрозе» Скандинавии [17].

Действительно, одной из главных дебатированных в шведском обществе середины XIX века тем стали намерения России на севере Европы, а равно установившийся в Российской империи режим правления. Несколько десятилетий шведы (и особенно либералы) единодушно осуждали русское самодержавие. Даже консервативный дипломат Нольдин, «добрый знакомый Пушкина», в своих донесениях в Швецию изрядно ругал николаевский режим [3, с. 294]. Он же присылал Пушкину «литературную контрабанду», а после смерти поэта отправил подробное донесение о нем, как о не имеющем себе равных в русской литературе [18, с. 1]. Быть может, Пушкин хотя бы тем был симпатичен шведам-современникам, что родился 6 июня по новому стилю – в национальный день Швеции, хотя эта связь поэта со Швецией, разумеется, достаточно анекдотична [18, с. 1].

Параллельно с выходом переводов прозаических произведений Пушкина и «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова в 1830-х – 1840-х гг. постепенно зарождается и шведский реализм – параллельно, но отчасти и под влиянием русского, с некоторым запозданием и сохранением романтических черт (творения Альмквиста, Фредерики Бремер и др.) [11, с. 621]. Так, Ф. Бремер «чувствительно» и нравоучительно описала в своем романе «Семейство, или домашние радости и огорчения» (перевод вышел в Санкт-Петербурге в 1842 г.) быт буржуазной шведской семьи, за что и подверглась критике В.Г. Белинского [19].

Несколько позже, в 1870-х гг., появление русскоговорящего населения в Финляндии (дачников в финских шхерах) привело к усилению интереса к русской реалистической литературе и в Великом княжестве Финляндском [5]. Общую же идейную основу перехода шведоязычной литературы от романтизма к реализму сформулировал датчанин Г. Брандес, который посчитал появляющиеся реалистические произведения *gennembrud litteratur* («литературой прорыва»), средством преодоления скандинавской словесностью отсталости и региональной ограниченности [11, с. 621].

Расширились во второй половине XIX века и научные, особенно междуниверситетские связи: в 1877 г. на праздновании 400-летия Упсальского университета присутствовала русская делегация во главе с пожилым Я. Гротом, который всех и каждого в своих торжественных речах убеждал, что Россия после «великих реформ» Александра II стремительно европеизируется, следуя, в том числе, и шведскому примеру. Швецию же, по словам Э. Тегнера, еще в 1830–1840-х гг. преобразили три вещи – «мир, вакцина и картофель» [20, с. 180], под которыми понимались:

- долговременное неучастие страны в европейских войнах начиная с 1814 г., ставшее в современности доброй традицией нейтралитета;
- улучшение здравоохранения и победа над многими опасными инфекционными заболеваниями;
- прорыв в сельском хозяйстве страны, обеспечивший шведам существование без выраженных голодных лет.

К сожалению, шведская «формула успеха», применимая к малой стране, оказалась неосуществимой в российских условиях, и многие шведы-интеллектуалы не поверили – и не без оснований – в быстрое преобразование Российской империи после отмены крепостного права.

В значительно большей степени на настроения в шведском обществе влияла дальнейшая экспансия русского языка и культуры в Швеции. В 1883 г. в университете в Упсале начали преподавать славянские языки, в первую очередь, русский. Появляются серьезные ученые-гуманитарии, посвятившие себя изучению славянского мира: языковеды-русисты А. Лунделль и Р. Экблум, блестящий литературовед и переводчик с русского языка А. Йенсен, археолог Туре Арне [3, с. 300]. Излишне говорить, что все указанные деятели были настроены к России в достаточной мере дружелюбно.

1880-е – 1890-е гг. в России проходят под знаком сдержанного «скандинавизма» – интереса и симпатии к скандинавской, в первую очередь, разумеется, шведской культуре. Например, шведскую литературу рубежа XIX–XX вв. с ее модернистскими, символистскими и неоромантическими тенденциями хвалили М. Горький и А.П. Чехов. Послед-

ний считал, что «талантливые шведы заняты коренными вопросами духа» [11, с. 624]. В России восхищались «прогрессивной» Швецией, и имена Августа Стриндберга (A. Strindberg), Сельмы Лагерлёф (Selma Lagerlöf), Густава Гейерстама (Gustaf af Geijerstam) были у всех на слуху. Пьесы Стриндберга ставили многие российские театры, в этом отношении он уступал из всех скандинавов лишь норвежцу Г. Ибсену. Русская делегация прощалась со Стриндбергом в 1910 г. [21], в то время, когда далеко еще не все соотечественники могли по достоинству оценить гений умершего драматурга.

В самой Швеции рубежа веков достаточно активно интересовались творениями русских «титанов» Достоевского, Толстого, Тургенева, увлекались Чеховым, следили за поэзией русского «Серебряного века», но не забывали и о литературе более раннего времени. Так, усилиями А. Йенсена и др. продолжилась публикация переводов Пушкина, их количество к 1897 г. достигло пятидесяти [18, с. 1].

Бурные события Первой мировой войны и русской революции 1917 г., конечно, не могли не изменить характера взаимоотношений между странами. После событий Октября ряд мастеров шведской культуры (Эллен Кей, Сельма Лагерлёф, Карин Бойе), а также датчанин Г. Брандес провозгласили солидарность с Советской Россией, участвовали в акциях помощи ей, когда в начале 1920-х гг. в стране разразился страшный голод [11, с. 630]. С другой стороны, шведские правительства либералов и социал-демократов холодно отнеслись к установлению большевистской диктатуры, потому в Швецию в первые годы после революции мигрировало более 2000 сторонников белых. Подавляющее большинство их них осталось в Скандинавии по политическим причинам – вернулись в СССР к 1946 г. лишь 180 из них [3, с. 302].

Отношения Швеции и Советской России на официальном уровне долгое время остались достаточно прохладными. Только в 1920 г. было заключено первое торговое («красинское») соглашение между странами, а официальное признание СССР Швецией последовало лишь в 1924 г. В обстановке НЭПа вновь стало возможно усиление культурного обмена, и в том же году создается Шведско-русское объединение. Правда, возглавил его старый прогерманист и открытый русофоб географ Свен Хедин (Sven Hedin) [22], отчего деятельность данной организации имела весьма ограниченный эффект в плане культурного сближения двух стран.

Сквозная тенденция культурных и любых иных связей России и Швеции в советские годы – их полная зависимость от воли советского руководства. С начала 1930-х гг. и вплоть до смерти И.В. Сталина в 1953 г. СССР находился в значительной культурной изоляции от остального мира. Одним из немногих проводников связей со Швецией в такой непростой обстановке оставалась А.М. Коллонтай – долговременный советский посол в Швеции и Норвегии [3, с. 303]. Кроме личных контактов Коллонтай, в 1935 г. появилось сильно политизированное «Общество для поощрения культурных и научных связей Швеции и СССР», а после Великой Отечественной войны его сменило «Общество дружбы» СССР и Швеции. В деятельности последнего принимал участие Георг Брантинг, сын одного из основателей и первого лидера Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) Я. Брантинга [3, с. 306] и, по некоторым данным, агента советских спецслужб в Швеции. Следовательно, и на сей раз контакты двух стран были возможны лишь через отдельных лиц.

После XX съезда КПСС, начала десталинизации и «оттепели», а особенно после полета в космос Ю.А. Гагарина симпатии шведов к СССР усилились. Следствием потепления в отношениях двух стран стало открытие кафедр славистики во многих университетах Швеции с обязательным преподаванием русского языка на них, а также вручение в 1965 г. Нобелевской премии по литературе советскому писателю М.А. Шолохову. В середине 1960-х гг. последовал некоторый всплеск интереса и к русской литературе XIX века, от Тургенева до Чехова. Однако после подавления вооруженными силами стран-участников Организации Варшавского договора «пражской весны» в 1968 г. наступил период нового охлаждения шведов по отношению к Советскому Союзу [3, с. 308].

В то время, когда в СССР продолжалась брежневская «эпоха застоя», в Швеции восхищались противниками «системы» – диссидентами. Кумирами скандинавской общественности в 1970-е гг. стали А.И. Солженицын, А.Д. Сахаров, И.А. Бродский... В начале 1980-х гг. последовал очередной шквал обвинений СССР в развязывании новой гонки вооружений в рамках «холодной войны», и шведское правительство начало настоящую охоту по шхерам за якобы шпионившими там советскими подводными лодками. Разумеется, на культурное взаимодействие двух стран эта политическая истерия наложила самый негативный отпечаток [3, с. 308-309].

Ситуация начала меняться к лучшему в годы «перестройки», а полная свобода установления контактов между странами закономерно настала в 1990-е гг., после краха СССР. Несмотря на значительные сложности с финансированием отечественной науки и публикационной деятельности, отъездом за рубеж многих видных ученых и прочими факторами [23, с. 196], в те годы усилились контакты ученых-гуманитариев двух стран. Многим научным проектам в РФ помогло финансирование Шведского Института (Svenska Institutet)¹, началось издание шведских научных работ в России и, наоборот, отечественных гуманитарных трудов в Скандинавии. Кроме того, в постсоветскую эпоху открылся «Шведский Центр» при РГГУ под руководством Т.А. Тоштендаль-Салычевой, было налажено сотрудничество шведских научных организаций с гуманитарными институтами Российской академии наук и многими российскими университетами [3, с. 312].

Значительным событием, имеющим прямое отношение к русской литературе первой трети XIX века, стало празднование в Швеции в 1999 г. двухсотлетия со дня рождения А.С. Пушкина. В тот год его творчеству и личности уделили довольно большое внимание в шведской прессе. Во многом это заслуга переводчика Челла Юханссона, который приурочил к юбилею издание нового перевода «Евгения Онегина». По мнению Ч. Улофсона, данный рифмованный и стихотворный перевод выполнен на весьма достойном уровне [18, с. 6].

Таким образом, русская классическая литература конца XVIII – последней трети XIX века, знакомство с которой в Швеции началось в тот же период, остается немаловажным фактором культурного взаимодействия двух стран и по сей день. Можно даже сказать, что в определенные исторические периоды (1830–1840-е гг., 1880–1890-е гг., ряд исторических отрезков в XX столетии) она была одним из определяющих факторов, влиявших на восприятие русскими и шведами друг друга, а иногда литературные образы и взаимосвязи оказывали опосредованное воздействие и на политические взаимоотношения двух государств.

---

¹SI. Svenska Institutet [Сайт] <https://si.se/>

История этого взаимодействия в XXI веке вовсе не окончена, и никто не может сказать, какую роль русская литература указанного периода сыграет в культурной жизни Швеции, а какую – традиционные образы шведов и Швеции в современной культурной и общественной жизни России. В любом случае, налицо пример успешного (хоть и не беспроблемного!) многовекового литературного и, шире, культурного взаимодействия двух соседних, но достаточно разных народов – германского и славянского, представителей «малой» страны и самого большого государства Евразии, стабильных нейтралов и представителей могущественной ядерной державы, наследницы сначала царской, а затем и «красной» Империи. Для современной российской молодежи, получающей высшее образование, данный пример может стать образцом подлинной, не показной дружбы народов, настоящего диалога культур, национального дружелюбия и терпимости к «соседям», которых, на наш взгляд, весьма не хватает в современном беспокойном мире.

Литература:

1. Вихавайнен Т. Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии. СПб.: Нестор, 2012. 248 с.
2. Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М.: Наука, 1993. 268 с.
3. Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 359 с.
4. Люстров М.Ю. Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 13. М.: Знак, 2008. С. 13–272.
5. Nilsson N.Å. Hur den ryska literaturen introducerades Sverige // Äldre svensk slavistik. Uppsala: Slaviska institutionen vid Uppsala Universitet, 1984.
6. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год // В кн. Тарле Е.В. Наполеон. М., 1939. URL: <http://militera.lib.ru/bio/tarle1/13.html> (дата обращения: 31.03.18). (
7. Люстров М.Ю. «Гиперборейский миф» в Швеции и России: О. Рудбек и В. Капнист // Россия XXI. 2008. № 1. С. 108–115.
8. Ильин-Томич А.А. Вельтман Александр Фомич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 405–409.
9. Шарыпкин Д.М. Скандинавская тема в русской романтической литературе // В кн.: Ранние романтические веяния. Л.: Наука, 1972. С. 96–167.
10. Августин (Никитин), архимандрит. Князь Владимир, святой, равноапостольный... (из истории русско-скандинавских церковно-литературных связей XVII – начала XIX в.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 3. М., 2015. С. 182–208.
11. Кан А.С. История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.
12. Lénström Carl Julius. Alexander Puschkin, Rysslands Byron. Upsala, 1841.
13. Сызранцев В.Ю. Шведский менталитет глазами русских // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 205–208.
14. Чернышева О.В. Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX – XX веков). М.: РГГУ, 1999. 178 с.
15. Håkanson Nils. Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Uppsala: Uppsala universitet, 2012.
16. Карху Э.Г. Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллинн: Эстон. гос. изд-во, 1962. 343 с.

17. Elvander Nils. Harald Hjärne och konservatismen. Konservativ idédebatt i Sverige 1865–1922. Uppsala: Statsvetenskapliga föreningen, 1961. 359 s.
18. Улоффсон Черстин. Пушкин и Швеция // Болдинские чтения 2007. URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:656189/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 30.03.18). С. 1–9.
19. Белинский В.Г. Семейство, или домашние радости и огорчения. Роман шведской писательницы Фредерики Бремер. Перевод с подлинника. Санкт-Петербург, 1842. В типографии Фишера. В 8-ю д. л. 741 стр. // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845. М.: Художественная литература, 1981.
20. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М.: Весь мир, 2002. 400 с.
21. Nikolajeva M. När Sverige erövrade Ryssland. Stockholm: Brutus Östlings bokförlag Symposion, 1996. 376 s.
22. Одельберг А. Невыдуманные приключения Свена Хедина. М.: Ломоносовъ, 2011. 368 с.
23. Бодрова Е.В., Кашкин Е.В. Технологическое отставание как фактор распада СССР // Российский технологический журнал. 2017. Т. 5. № 3. С. 189–202.

References:

1. Vikhavainen T. The eastern border disappears. Two centuries of Russia and Finland. St. Petersburg: Nestor Publ., 2012. 248 p. (in Russ.)
2. Nekrasov G.A. A thousand years of Russian-Swedish-Finnish cultural relations of the IX–XVIII centuries. Moscow: Nauka (Science) Publ., 1993. 268 p. (in Russ.)
3. Kan A.S. Sweden and Russia in the past and present. Moscow: RGGU (RSUH) Publ., 1999. 359 p. (in Russ.)
4. Lyustrov M.Yu. Russian–Swedish literary ties in XVII–XVIII centuries. *Germenevtika drevnerusskoi literatury (Hermeneutics of Ancient Russian Literature)*. Collection of works No. 13. Moscow: Znak Publ., 2008. P. 13-272. (in Russ.)
5. Nilsson N.Å. Hur den ryska literaturen introducerades Sverige. *Äldre svensk slavistik*. Uppsala: Slaviska institutionen vid Uppsala Universitet, 1984. (in Swed.)
6. Tarle E.V. Napoleon's invasion of Russia. 1812. In book: Tarle E.V. Napoleon. Moscow, 1939. URL: <http://militera.lib.ru/bio/tarle1/13.html> (date of access 03/31/18). (in Russ.)
7. Lyustrov M.Yu. “Hyperborean myth” in Sweden and Russia: O. Rudbeck O. and V. Kapnist. *Rossiya XXI (Russia XXI)*. 2008; (1): 108-115. (in Russ.)
8. Ilyin-Tomich A.A. Vel'tman Alexander Fomich. Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary. V. 1. *Sovetskaya entsiklopediya (Soviet Encyclopedia)* Publ., 1989. P. 405-409. (in Russ.)
9. Sharypkin D.M. Scandinavian theme in Russian romantic literature. In: *Rannie romanticheskie veyaniya (Early Romantic Trends)*. Leningrad: Nauka (Science) Publ., 1972. P. 96-167. (in Russ.)
10. Avgustin (Nikitin), Archimandrite. Prince Vladimir, Saint, Equal of the Apostles ... (from the history of Russian-Scandinavian church and literature links of the seventeenth and

early nineteenth centuries). In: *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah* (Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas). Iss. 3. Moscow, 2015. P. 182-208. (in Russ.)

11. Kan A.S. *History of Sweden*. Moscow: Nauka (Science) Publ., 1974. 719 p. (in Russ.)

12. Lénström Carl Julius. *Alexander Puschkin, Rysslands Byron*. Upsala, 1841.

13. Syzrantsev V.Yu. Swedish mentality through the eyes of Russians. *Znanie, Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Skill). 2010; (1): 205-208. (in Russ.)

14. Chernysheva O.V. Swedish character in Russian perception (according to the testimony of the XIX–XX centuries). Moscow: RGGU (RSUH) Publ., 1999. 178 p. (in Russ.)

15. Håkanson Nils. *Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande*. Uppsala: Uppsala universitet, 2012. (in Swed.)

16. Karhu E.G. *Finnish literature and Russia, 1800–1850*. Tallinn: Eston. State Publ., 1962. 343 p. (in Russ.)

17. Elvander Nils. *Harald Hjärneochkonservatismen. Konservativ idédebatt i Sverige 1865–1922*. Uppsala: Statsvetenskapligaföreningen, 1961. (in Swed.)

18. Uloffson Cherstin. *Pushkin and Sweden. Boldinskie chteniya* (Boldino Readings), 2007. URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:656189/FULLTEXT01.pdf> (date of access: 03/30/18). P. 1-9. (in Russ.)

19. Belinsky V.G. *Family, or domestic joys and sorrows. The novel of the Swedish writer Frederik Bremer. Translation from the original*. St. Petersburg, 1842. In Fisher's printing house. 741 p. In: Belinsky V.G. *Collection of works. In 9 volumes. V. 7. Articles, reviews and notes, December 1843 – August 1845*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (Fiction) Publ., 1981. (in Russ.)

20. MelinYa., Juhansson A.B., Hedenborg S. *History of Sweden*. Moscow: Ves' mir (The whole world) Publ., 2002. 400 p. (in Russ.)

21. Nikolajeva M. *NärSverigeerövradeRyssland*. Stockholm: Brutus Östlings bokförlag Symposium, 1996. 376 s. (in Swed.)

22. Odelberg A. *The nonfictional adventures of Sven Hedin*. Moscow: Lomonosovъ Publ., 2011. 368 p. (in Russ.)

23. Bodrova E.V., Kashkin E.V. Technological lag as a factor of the USSR collapse. *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal* (Russian Technological Journal). 2017; 5(3): 189-202. (in Russ.)

Об авторах:

Гриценко Святослав Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Институт радиотехнических и телекоммуникационных систем ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» (119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 78).

Чернова Надежда Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков, Институт радиотехнических и телекоммуникационных систем ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» (119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 78).

Катахова Наталия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт радиотехнических и телекоммуникационных систем ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» (119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 78).

About the authors:

Svyatoslav A. Gritsenko, Ph.D. (History, Senior Lecturer of the Chair of Foreign Languages, Institute of Radioengineering and Telecommunication Systems, "MIREA – Russian Technological University" (78, Vernadskogo Pr., Moscow 119454, Russia.

Nadezhda I. Chernova, D.Sc. (Pedagogics, Professor, Head of the Chair of Foreign Languages, Institute of Radioengineering and Telecommunication Systems, "MIREA – Russian Technological University" (78, Vernadskogo Pr., Moscow 119454, Russia.

Nataliya V. Katakhova, Ph.D. (Pedagogics, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Institute of Radioengineering and Telecommunication Systems, "MIREA – Russian Technological University" (78, Vernadskogo Pr., Moscow 119454, Russia.

Для цитирования: Гриценко С.А., Чернова Н.И., Катахова Н.В. Диалог культур России и Швеции в контексте формирования мировоззрения студенческой молодежи // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6. № 5. С. 77–88. DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-5-77-88

For citation: Gritsenko S.A., Chernova N.I., Katakhova N.V. Dialogue of cultures of Russia and Sweden in the context of formation of the world outlook of students. *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal* (Russian Technological Journal. 2018; 6(5): 77-88. (in Russ. DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-5-77-88

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № *ФС77-65315* от 12 апреля 2016 г.

Дата опубликования *1 октября 2018 г.*

МИРЭА – Российский технологический университет
119454, Москва, пр. Вернадского, 78.

<http://rtj.mirea.ru>